— Я часто скучал по тебе в эти несколько дней, — не обращая внимания на происходящее, опять принялся за своё Фань Сянь: — Всё время после встречи в храме Цин я мечтал увидеться с тобой.

Линь Вань’эр поспешила застенчиво ответить:

— Что за чушь! Я… — она стиснула зубы и продолжила: — Я уже помолвлена, к тому же, как ты можешь позволить себе тайком входить в комнату девушки ночью, это слишком большая вольность.

— Ты выходишь замуж в семью Фань, я знаю, — со смехом посмотрел на неё Фань Сянь.

Линь Вань’эр подумала о том, как впервые встретила этого юношу, подумала о запутанных чувствах, которые охватили её в тот миг, когда их взгляды встретились в первый раз, и сердце защемило от боли. Она спросила:

— Знаешь, но всё равно не уходишь? Неужели действительно хочешь, чтобы тебя убили?

Фань Сянь не хотел больше дразнить её. Посмотрев на неё, он с серьёзным видом сказал:

— Я и есть… Фань Сянь.

**

В комнате воцарилась мёртвая тишина. Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Фань Сянь ощутил неловкость и обнаружил, что по щеке Линь Вань’эр покатилась слеза. Она быстро вытерла её и тихо сказала:

— Молодой господин, прошу, не выходите за рамки!

Фань Сянь горько улыбнулся:

— Я говорю чистую правду, что мне сделать, чтобы ты поверила?

Посмотрев ему в лицо, Линь Вань’эр долго успокаивалась, а потом тихо спросила:

— Ты — молодой господин Фань?

Фань Сянь слегка улыбнулся и кивнул, но по лицу барышни Линь было понятно, что она до сих пор не может в это поверить. К тому времени луна на небе уже давно вырвалась из пут облаков, показывая свой очаровательный лик и заливая тусклым светом землю. Её свет

проникал в окно и падал на женщину на кровати и мужчину у кровати.

— Это правда я, — тихо сказал он.

Линь Вань’эр не смела поверить своим ушам. От волнения она невольно снова начала кашлять, нож из её рук уже давно куда-то выпал. Не переставая кашлять, она спросила:

— Ты и есть тот самый ночной головорез из семьи Фань?

Фань Сянь не смог удержаться от смеха. Когда он посмотрел на её ослабленный вид, его сердце сжалось и он, поймав её за запястье, передал ей немного истинной ци, чтобы осторожно привести в порядок биение пульса в её теле. Услышав про ночного головореза, он с горькой усмешкой ответил:

— Но я ударил-то пару раз и всё.

Линь Вань’эр постепенно начала немного доверять его словам, на её лице показалась радость и она снова спросила:

— Ты и есть тот самый за сто ли от родимого края в душе преисполнившийся тоски?

Фань Сянь всё так же горько улыбался:

— Написал впопыхах… это не считается, не считается.

Взгляд Линь Вань’эр постепенно посветлел:

— Ты… ты… действительно ты?

Фань Сянь начал сходить с ума, он уже готов был плакать.

— Сегодня я приходил вместе с сестрой. Если бы я не был Фань Сянем, то разве сестра стала бы помогать постороннему мужчине увидеться со своей будущей невесткой? — спросил он в ответ.

Линь Вань’эр подумала: «И то верно», прикрыла рот ладошкой и улыбнулась, но тут же вспомнила ещё кое-что и, рассердившись, сказала:

— Тогда в прошлый раз, когда ты приходил в храм Цин, это тоже было специально, чтобы увидеться со мной? — При одной мысли, что этот юноша специально оставил её в неведении, она тут же неимоверно начинала злиться. Подумав о том, что из-за этого гадкого юнца ей

пришлось провести несколько дней в смятении чувств, представляя множество непристойных вещей, ей нестерпимо захотелось побить его.

Фань Сянь сразу по её виду понял, о чём она подумала, и поспешил объясниться:

— Клянусь небом, в тот раз в храме Цин наша первая встреча была чистой случайностью. Что говорить тогда, я до сегодняшнего дня не имел представления, кто же ты такая. — Он широко улыбнулся, посмотрел на прекрасное лицо Линь Вань’эр и тихо добавил: — Это судьба нас свела.

Линь Вань’эр смущённо опустила голову, вырвала своё запястье из руки Фань Сяня и, понизив голос, произнесла:

— Тогда почему ты сегодня пришёл навестить меня вместе с сестрой?

Фань Сянь замер и подумал, неужели ему придётся рассказать про свой план вылечить барышню Линь и со скандалом разорвать помолвку? Такое он не смел произнести даже под страхом смертной казни, ему оставалось лишь нежным голосом спросить у неё:

— Я слышал, что у барышни Линь проблемы со здоровьем, но у меня не было возможности увидеться с ней, поэтому я мог лишь прийти посмотреть тайком… откуда же мне было знать, что она окажется той самой девушкой с куриной ножкой, которую я встретил в храме Цин.

Линь Вань’эр недовольно вздохнула, подумав про себя, почему он её так неприятно называет.

Фань Сянь улыбнулся и указал ей на куриную ножку рядом:

— Может хочешь сейчас поесть? — спросил он.

Линь Вань’эр не удержалась от улыбки, прикрыв рот ладошкой.

— Сам съешь, я не такая обжора, — ответила она.

Фань Сянь повёл ухом, услышав, что снизу кто-то встаёт с кровати и, похоже, собирается подняться наверх. Нахмурившись, он сказал:

— Кто-то идёт.

Линь Вань’эр сразу встревожилась и подумала: «Пусть даже ты и будущий муж, но если тебя здесь увидят, как мне потом смотреть людям в глаза?» Она оттолкнула его и сказала:

— Тогда быстрее уходи.

Фань Сянь подумал, что ему с таким трудом удалось забраться сюда, как же можно теперь просто так уйти. На его лице показалась коварная улыбка, и он в один миг залетел в кровать, спрятавшись под одеяло. Кровать была очень большой, одеяло тоже. В комнате было очень темно. Если кто-то и заглянет сюда снаружи, то действительно не заметит ничего необычного.

Обнаружив, что Фань Сянь проскользнул под одеяло, Линь Вань’эр от испуга сильно побледнела, но уже было поздно что-то предпринимать, на лестнице послышались шаги. Оказалось, что это та самая мамка, которая днём постоянно бегала в туалет. Линь Вань’эр смущённо и взволнованно скользнула под одеяло, повернулась лицом к двери, и притворилась спящей. Мамка посмотрела-посмотрела, ничего необычного не заметила и тихо что-то прошептала. Ощутив лёгкое головокружение и снова захотев спать, она развернулась и пошла вниз.

Линь Вань’эр двинула локтем за спину и, понизив голос, стесняясь, начала прогонять Фань Сяня:

— Она ушла, давай и ты скорей уходи.

С таким трудом ему удалось оказаться с ней настолько близко. Впервые Фань Сяню было за что благодарить старую мамку, конечно, он вовсе не видел смысла в том, чтобы сразу же уйти, и самым нахальным образом ответил:

— Мне хочется спать, полежу ещё немного.

И только теперь Линь Вань’эр узнала, насколько же её будущий жених на самом деле нахальный. Она снова разозлилась и заругалась:

— Да разве так можно?

Фань Сянь беззвучно засмеялся и придвинулся к ней ближе, ощущая смутный запах её тела. На душе его стало радостно, и он сказал:

— Почему же нельзя?

— Если об этом станет известно, то как мне потом смотреть людям в глаза? — Линь Вань’эр спрятала голову под одеяло и, чувствуя жар за спиной, снова отодвинулась вперёд.

Фань Сянь вздохнул, боясь, что если так пойдёт и дальше, она упадёт с кровати и простудится. Он вылез из кровати с видом полного неудовлетворения и сел с краю, взяв девушку за слегка прохладную ладошку. Линь Вань’эр посопротивлялась, но не смогла выдернуть руку и оставила всё, как есть, подумав: «Одно то, что ты больше не лежишь в кровати, уже большая удача».

Фань Сянь посмотрел на её полуприкрытые глаза и тихо сказал:

— Я обнаружил, что в этой жизни мне сопутствует необычайное везение.

— Да? — Линь Вань’эр с любопытством распахнула глаза и обратила свой несравненно ясный взор на него.

— Я влюбился в девушку и оказалось, что ещё до этого она уже была обещана мне в жёны. Скажи, раз такое произошло, разве это не значит, что я необычайно везучий? — с улыбкой пояснил Фань Сянь, его изящное лицо сияло от радости.

Линь Вань’эр с любопытством спросила:

— Если бы… если бы…

— Если бы что?

— Нет, ничего, — Линь Вань’эр прикусила губу, подавляя сомнения, возникшие в душе.

— Вот ещё что я хотел тебе сказать, — Фань Сянь увидел у неё на лбу у границы волос следы испарины и с болью в сердце продолжил: — Всё, что я говорил сегодня днём — правда. Сейчас тебе обязательно нужно восстановить силы. Рисовая каша и закуски хороши для желудка, но больным чахоткой от такой диеты никакого проку.

Хотя сегодня девушка пережила приятный сюрприз, но её хрустальное сердце дрожало от волнения. Услышав слово «чахотка», она сразу же подумала о своей болезни, снова расстроилась, распереживалась и помрачнела, а потом с тоской сказала:

— Осматрившие меня дворцовые лекари говорили, что моя болезнь плохо лечится, хотя в ней и нет ничего необычного. Но если вскоре мы и правда будем вместе, боюсь, я стану для тебя только обузой.

Вдруг Фань Сянь строго глянул на неё:

— Козье молоко, куриная ножка, прописанное мной лекарство, ещё пилюли, которые я тебе оставлю, нужно принимать по предписанному мной методу и тогда твоё здоровье наверняка можно будет восстановить.

Линь Вань’эр вздохнула:

— Императорские лекари не могут меня вылечить, лишь оттягивают год за годом конец.

Фань Сянь улыбнулся:

— Моё врачебное искусство, конечно, не может сравниться с умением императорских лекарей. Даже если бы в столице был мой учитель, боюсь, что он тоже бы пошёл обходными путями. У тебя знатное происхождение, боюсь, знать во дворце не посмеет использовать такие методы. Но диету, прописанную мной, дворцовые лекари использовать не додумались. Как только ты окрепнешь, дождёмся возвращения в столицу учителя. Он в этот раз отправился с инспекцией на границу, наверняка привезёт обратно много редких и ценных ингредиентов для лекарств, и тут уж точно появится надежда тебя вылечить. Одно дело осмотреть больного и поставить диагноз, и совсем другое дело — нужное лекарство, не смотри, что во дворце несметное количество ценных и редких лекарств, если говорить о по-настоящему стоящих, то, боюсь, им далеко до коллекции моего учителя.

Линь Вань’эр послушала его резкие, искренние слова, и они её тронули. Тихо она сказала:

— Спасибо, молодой господин Фань.

Фань Сянь замер и подумал про себя: «Неужели до сих пор необходимо разговаривать так официально?» Он не мог понять женское сердце. Как только она убедилась, что перед ней её будущий жених, слова Линь Вань’эр стали естественным образом более сдержанными, и это было так характерно для девушек. Он немного удивлённо улыбнулся и спросил:

— Всё ещё зовёшь меня молодым господином Фанем?

Она с любопытством поинтересовалась:

— А как же мне тебя звать? — внезапно поняв, что он имел в виду, она застеснялась, покраснела и повернулась к нему спиной. Больше не глядя на него, она комариным голосом пропищала:

— Дождись свадьбы, и после неё я буду называть тебя по-другому.

— Я имел в виду, что ты можешь называть меня братом Фанем, — не удержавшись от смеха, сказал Фань Сянь.

Тут Линь Вань’эр поняла, что над ней подшутили, стесняясь и злясь, она протянула руку, стремясь ударить его, но вспомнила, что видела этого мужчину всего дважды, можно сказать, не знакома с ним, и не стала бить. Фань Сянь, глядя на её худое плечо, сказал:

— После свадьбы обязательно поедем в горы Цаншань, там большая высота над уровнем моря, горячие источники, как раз отлично подходит, чтобы восстановить твоё здоровье.

Когда Линь Вань’эр услышала слово «свадьба», она слегка застеснялась, но всё равно кивнула

головой. На самом деле она не очень поняла, при чём тут высота над уровнем моря, но вспомнила ещё кое о чём и тихо спросила:

— Господин Фэй действительно твой учитель?

— Да, — сказал, улыбнувшись, Фань Сянь. — Я всегда думал, что хотя учитель Фэй и служит в Контрольной палате, он остаётся в тени. Кто же знал, что в столице он настолько знаменит.

Линь Вань’эр с улыбкой сказала:

— Он отличился и прославился ещё во времена военных походов на север и на запад. Конечно, его имя широко известно. Но люди боятся его умения применять яды, поэтому обходят стороной. — Она посмотрела на красивое лицо Фань Сяня и с любопытством спросила: — Как получилось, что господин Фэй стал твоим учителем?

Фань Сянь пожал плечами и сказал:

— Барышня Линь, скорее всего за этой историей скрыта масса всего, что сулит проблемы, я до сих пор до конца не знаю истинных причин, боюсь, что если ты хочешь в будущем выйти за меня, тебе придётся столкнуться с массой подобных неприятностей, ты должна как следует всё обдумать.

Линь Вань’эр с улыбкой покачала головой: она и сама знала, что за этой женитьбой скрыто множество изменений в перераспределении прибыли, поэтому поначалу сильно противилась свадьбе, что привело к обострению заболевания. Но раз сегодня она обнаружила, что Небеса поистине справедливы, и молодым господином Фанем оказался вот этот юноша перед ней, её сердце наполнилось признательностью Небесам, куда ей было желать ещё большего. Вспомнив о последнем нашумевшем в столице деле, она сказала:

— Молодой господин Фань, я иногда никак не могу понять, вы же сын графа Сынаня, ученик господина Фэя из Контрольной палаты, глубоко владеете поэтическим искусством… кстати, ту фразу «за сто ли от родимого края в душе преисполнясь тоски» действительно вы написали?

Фань Сянь не увидел на её лице следов сомнения, она просто очень простодушно задала этот вопрос. Он в свою очередь с любопытством спросил её:

— А что-то не так?

На лице Линь Вань’эр появился намёк на гнев:

— Вдовствующей императрице сильно понравилась эта фраза, но последнее время во дворце поговаривают, что концовка твоего стиха — это плагиат поэта прошлого. — Она на самом деле полностью доверяла юноше рядом, поэтому немного рассердилась.

Фань Сянь и сам понимал, что шумиха вокруг стиха ещё не успокоилась, да и тяжба с семьёй Го не завершена, и вдруг тут ещё одна проблема. Но ведь он действительно лишь воспроизвёл стих Ду Фу, поэтому не особо рассердился. Однако когда он увидел, что его невеста переживает и измотана, его сердце отозвалось болью и он слегка похлопал её по руке, чтобы она остановилась и перестала говорить.

— Я буду часто навещать тебя.

— Но… что если тебя кто-нибудь заметит?

«Да, я правда беспокоюсь, что если меня кто-то заметит, то вдруг мой странный дядя придёт и убьёт этих людей… Вот это действительно проблема, нужно будет завтра с ним поговорить», — подумал Фань Сянь, и от ужаса у него на теле волосы встали дыбом, потому что он понял, что такое вполне возможно.

Линь Вань’эр, смотря на его лицо, нехотя закрыла глаза, не в силах противиться желанию спать.

**

Утром на следующий день Линь Вань’эр растерянно проснулась в тепле под одеялом, открыла глаза, потёрла их и обнаружила, что настроение у неё великолепное. Служанка со сладкой улыбкой подошла пожелать доброго утра, потом помогла ей подняться с кровати, умыться и одеться. Тут Линь Вань’эр вспомнила о ночной встрече и воскликнула:

— А! А где тот человек?

— Какой человек?

Линь Вань’эр с ужасом сказала:

— Ты вчера ночью ничего не слышала?

— Нет, барышня, — очень серьёзно ответила служанка.

Линь Вань’эр подошла к окну, её чёрные распущенные волосы достигали нижней части поясницы, в изящных белых холщовых одеждах она выглядела поистине прекрасной. Она посмотрела за окно. От того человека не осталось ни тени, ни следа. Невольно в душу закрались подозрения, что вчера ей всего лишь приснился сон, а так хотелось, чтобы он стал явью.

Пока она томилась в сомнениях, служанка нашла разорванную промасленную бумагу,

показала ей и, тая улыбку, сказала:

— Барышня, опять вы тайком ели, смотрите, чтобы мамка не обнаружила и не пошла доложить императору… скорее, закройте окно, вдруг вас продует.

Линь Вань’эр забрала промасленный свёрток, к тому же обнаружила, что у неё в поясе появилось несколько пилюль. На сердце тут же потеплело, она снова глянула в окно на сад, и он показался ей гораздо зеленее, чем прежде. Даже после того, как она закрыла окно, невозможно было скрыть безудержный дух весны, уже успевший проникнуть внутрь.

http://tl.rulate.ru/book/96718/1494196